

Джеймс РАНСИ

Джеймс РАНСИ

Сидни Чемберс
и
ТЕНЬ СМЕРТИ

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Р 22

Серия «Гранчестерские тайны»

James Runcie
THE SIDNEY CHAMBERS AND THE SHADOW OF DEATH:
THE GRANTCHESTER MYSTERIES

Перевод с английского Д.В. Вознякевича
Компьютерный дизайн В.И. Лебедевой

Печатается с разрешения автора,
издательства Bloomsbury Publishing
и литературного агентства Synopsis

Ранси, Джеймс.

Р 22 Сидни Чемберс и тень смерти : [роман] / Джеймс Ранси ; пер. с англ. Д. В. Вознякевича. — Москва : АСТ, 2015. — 384 с. — (Гранчестерские тайны).

ISBN 978-5-17-080157-2

Английская послевоенная провинция. Казалось бы, здесь соседи знают друг о друге все, — а в действительности их уютные дома и старинные особняки хранят множество тайн. И преступления совершают не отъявленные злодеи, а добропорядочные с виду джентльмены.

Таков канон английского «сельского» детектива — классики жанра с незабываемыми мисс Марпл и патером Брауном. Именно к этому канону возвращается Дж. Ранси, подарив нам нового сельского детектива-любителя — викария Сидни Чемберса. Наблюдательностью и остротой ума он не уступает мисс Марпл, а знанием психологии — патеру Брауну.

Теперь нам предстоит познакомиться с его методами расследования преступлений.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-080157-2

© James Runcie, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящается Мэрилин

ТЕНЬ СМЕРТИ

Каноник Сидни Чемберс вовсе не собирался становиться детективом. В сущности, произошло это совершенно случайно, после похорон, когда красивая женщина неопределенного возраста высказала подозрение, что смерть одного кембриджского адвоката вызвана не самоубийством, как было широко объявлено, а убийством.

То было будничное утро в октябре пятьдесят третьего года, бледные лучи низкого осеннего солнца освещали деревню Гранчестер. Люди, шедшие с похорон Стивена Стонтонна на поминки в «Красном льве», прикрывали глаза от света. Друзья, коллеги и родственники из его родных мест в Северной Ирландии шли молча. С вязов, кружась, опадали первые желтые листья. Для похорон день был слишком уж замечательным.

Сидни надел костюм, высокий жесткий воротник и собирался присоединиться к своим прихожанам, но вдруг увидел элегантную женщину, ждущую в тени на паперти. Высокие каблуки прибавляли ей росту, на ней было длинное черное платье, лисий палантин и шляпка

без полей с пятнистой вуалью. Сидни заметил ее во время заупокойной службы, поскольку она была самой рядной из присутствующих.

— Кажется, мы не знакомы? — спросил он.

Женщина протянула руку в перчатке.

— Я Памела Мортон. Стивен Стонтон работал вместе с моим мужем.

— Печальный случай, — промолвил Сидни.

Женщине, видимо, хотелось обойтись без формальностей.

— Есть место, где нам можно поговорить?

Сидни недавно видел фильм «Трубач» и обратил внимание, что голос миссис Мортон звучал так же страстно, как у Лорен Бэколл.

— Вас не хватятся на поминках? — спросил он. — Где ваш муж?

— Я сказала ему, что хочу выкурить сигарету.

Сидни заколебался.

— Но я обязан заглянуть туда...

— Это не займет много времени.

— Тогда можно пойти в дом. Люди вряд ли сразу заметят мое отсутствие.

Высокому стройному Сидни было тридцать с небольшим. Любитель теплого пива и зажигательного джаза, страстный игрок в крикет и запойный читатель, он был известен скромной элегантностью своего священнического облачения. Его высокий лоб, орлиный нос и удлиненный подбородок смягчали светло-карие глаза и добрая улыбка, говорящая, что он всегда готов думать о людях только хорошее. Будущему священнику повезло родиться в воскресный день, и он был посвящен в духовный сан по окончании войны. После недолгого пастырства в Ковентри и краткого служения в домашней церкви епископа Или, его в пятьдесят вто-

ром году назначили приходским священником церкви Святого Андрея и Святой Марии.

— Наверно, все спрашивают вас... — начала Памела Мортон, многозначительно взглянув на ветхую дверь.

— Нравится ли мне жить в старом доме священника, увековеченном в поэме Руперта Брука? Да, спрашивают. Но я им вполне доволен. Собственно, он даже великоват для холостяка.

— Вы не женаты?

— Люди говорят, что я женат на своей работе.

— Я не знаю, что такое каноник.

— Это почетная должность, предоставленная мне кафедральным собором в Африке. Но проще видеть во мне обычного священника. — Сидни вытер ноги о половик и открыл незапертую дверь. — Просто слово «каноник» звучит немного лучше. Входите, пожалуйста.

Он проводил гостью в небольшую гостиную с диванами, обитыми мебельным ситцем, и старинными гравюрами. Памела Мортон окинула комнату взглядом темных глаз.

— Извините, что задерживаю.

— Ничего-ничего. Я заметил, никто не знает, что сказать священнику после похорон.

— Люди не смогут успокоиться, пока вас нет, — ответила Памела Мортон. — Они думают, что должны вести себя так, будто до сих пор находятся в церкви.

— Может, я слишком уж напоминаю им о смерти? — спросил Сидни.

— Нет, отец Чемберс, не думаю. Скорее о многочисленных грехах и порочности.

Памела Мортон слегка улыбнулась и склонила голову набок, отчего прядь черных волос упала и закрыла левый глаз. Сидни понял, как опасна эта сорокалетняя женщина, если один только этот жест может потрясти мужчину. Вряд ли у его собеседницы много подруг.

Миссис Мортон сняла перчатки, палантин, шляпку и положила их на спинку дивана. Когда Сидни предложил ей чашку чая, она слегка повела плечами.

— Простите, если это покажется бесцеремонным, но нет ли у вас чего-то покрепче?

— Есть херес, хотя сам я его не люблю.

— А виски?

Это был любимый напиток Сидни; он убеждал себя, что держит его только для медицинских целей.

— Как вы его пьете? — спросил он.

— Как пил Стивен. Чуть-чуть воды. Безо льда. Он, естественно, пил ирландский виски, но, полагаю, у вас шотландский.

— Да. Люблю хорошие напитки, но, боюсь, не могу себе позволить.

— Для священника это вполне объяснимо.

— Насколько я понимаю, вы хорошо знали мистера Стонтонна?

— Не возражаете, если я сяду? — Памела направилась к креслу возле камина. — Думаю, все это не так просто.

Сидни налил ей «Джонни Уокера» и наполнил себе стаканчик, чтобы составить компанию.

— Это, конечно, щекотливое дело.

— Мы не в церкви, отец Чемберс, но, полагаю, тайна исповеди все же соблюдается?

— Можете положиться на мою сдержанность.

Памела Мортон помедлила.

— Я и представить себе не могла, что скажу такое священнику. Даже теперь не знаю, хочу ли это сделать.

— Можете подумать.

— Вероятно, придется.

Сидни подал гостье виски и сел. Свет бил ему в глаза, но он решил, что менять место невежливо.

— Я привык выслушивать людей, — сказал он.

— Мы со Стивеном всегда были друзьями, — начала Памела Мортон. — Я знала, что в браке он не так счастлив, как раньше. Его жена — немка; правда, это ничего не объясняет...

— Нет...

— Однако люди ее осуждали. Выбор этот для столь красивого мужчины казался странным. Он мог бы выбрать кого угодно. Надо полагать, женитьба на немке вскоре после войны была смелым поступком. — Памела Мортон умолкла. — Это труднее, чем я думала...

— Прошу вас, продолжайте.

— Несколько месяцев назад я поехала в контору за своим мужем. Но его вызвали по делу. Возникли какие-то нелады с завещанием. Стивен был один. Он сказал, что будет работать допоздна, и вдруг предложил пойти выпить. Это казалось совершенно невинным. Он был деловым партнером моего мужа, я знала его несколько лет. Он мне всегда нравился, и я видела, что его что-то тревожит. Здоровье, деньги или супружество. Думаю, большинство мужчин беспокоятся о последнем...

— Это так.

— Мы поехали в Трампингтон, видимо, Стивен решил, что там меньше вероятности встретить знакомых и нам не придется никому объяснять, почему мы выпиваем вместе. И, думая об этом теперь, полагаю, что все началось с соучастия.

Сидни начал чувствовать себя неловко. Будучи священником, он привык к неофициальным исповедям, но не мог примириться с чрезмерными подробностями. Иногда ему хотелось, чтобы люди изливали душу не так пространно.

Памела Мортон продолжила:

— Мы сели в дальнем углу пивной, подальше от остальных. Я слышала, что Стивен любит пропустить стаканчик-другой, но его темп меня удивил. Он нервничал. Началось

с обычной болтовни, однако вскоре он переменялся. Сказал мне, что устал от жизни. Странно было это слышать; вдруг проявилась вся сила его чувств. Он сказал, что в Кембридже всегда ощущал себя чужим. И он, и его жена были приезжими. Он сказал, что после войны нужно было бы вернуться в Ирландию, но здесь нашлась работа. Он не хотел показаться неблагодарным моему мужу, и, кроме того, если бы мой муж не дал ему этой работы, он никогда не встретил бы меня. Услышав это, я забеспокоилась. Я не знала, посвящать ли в это мужа, но в словах Стивена было нечто завораживающее. Какая-то настойчивость, безрассудство и обаяние. Говорить он умел. Я всегда восхищалась этой его способностью. Знаете, у меня было несколько мужчин до замужества.

— Понимаю, — сказал Сидни, недоумевая, к чему ведет этот разговор.

— Несмотря на колдовские речи, я понимала — он сетует, что жизнь не удалась. Слушая Стивена, можно было бы подумать, что он замышляет самоубийство, но это совершенно не так.

Памела Мортон умолкла.

— Вам не нужно рассказывать мне все, — заметил Сидни.

— Нужно. Это важно. Стивен говорил, как мечтал уехать и начать все заново. Потом он долго смотрел мне в глаза перед тем, как и... о... можно еще чуточку виски? Для смелости, понимаете?

— Конечно.

— Вы, должно быть, находите это обыденным. Уже знаете, что я скажу, не так ли?

Сидни налил в стаканы виски и спокойно ответил:

— Нет, не думаю. Продолжайте, пожалуйста.

Он давно понял, что нельзя останавливать рассказ на середине.

— Стивен сказал, что не может избавиться от мыслей обо мне; жизнь без меня для него страдание — он любит меня. Я не верила своим ушам. Он радовался, что мы получили возможность побыть вдвоем, и он мне открылся. Сказал, что живет только ради тех случаев, когда мы видимся, и если бы мы могли быть вместе, его жизнь обрела бы смысл и цель, он пил бы меньше и был бы счастлив.

Памела Мортон подняла взгляд, ожидая вопроса Сидни о ее реакции.

— Продолжайте... — попросил тот.

— Слушая его, — вновь заговорила Памела, — я ощутила внутри странный жар. Не знаю, откуда он взялся. Я думала, что упаду в обморок. Казалось, жизнь покидает меня. Раньше я никогда об этом не думала, но все его слова становились моими мыслями. Я понимала, что не должна всю жизнь прожить в провинциальном городке. Я могла начать ее заново. Уехать с ним, избавиться от своего прошлого, словно не было войны и мы не теряли друзей, словно у нас нет родных. И перед нами открылось бы будущее. «Мы могли бы уехать куда угодно», — сказал Стивен. У него были отложены какие-то деньги, и стоило только подумать об этом. Он не хотел меня торопить. Он хотел только, чтобы я сказала «да»...

— И вы сказали?

— Я думала, что это опрометчиво, неосуществимо. Была испугана и вместе с тем возбуждена. Стивен предлагал на машине добраться до Ла-Манша и там сесть на судно. Я не знала, что сказать. Он просил меня представить, как мы будем смеяться при мысли, какое потрясение вызвали. Мы могли путешествовать по всей Франции, останавливаясь в чудесных романтических отелях, пока остальные продолжают вести свою скучную жизнь в Кембридже. Мы были бы свободными. Поехали бы в Ниццу, на Французскую Ривьеру, наряжались бы и

танцевали теплыми летними ночами под звездами. Это было безумно, но и волшебно, и хотя мы понимали, что не можем уехать сразу же, это оставалось только вопросом времени. Все казалось возможным. Все могло измениться.

— Когда это случилось? — спросил Сидни.

— Вскоре после коронации. С пивной еще не убрали флага. Четыре месяца назад.

— Ясно.

— Представляю, что вы думаете.

— Я не сужу вас никоим образом, — ответил Сидни, недоумевая. — Просто слушаю.

— Но вы удивляетесь. Если мы были столь импульсивны, почему медлили? Мои дети живут своей жизнью, но я все равно подумала о них. Потом, вернувшись домой, я испугалась. Упала духом. Я не могла до конца поверить, что это случилось. Может, то был сон, и Стивен никогда ничего не говорил, но мы стали тайно встречаться, и я поняла, что только этого и хотела. Я была одержима. Не могла поверить, будто никто не замечает во мне перемены. «Наверняка все догадываются», — думала я. И едва осмеливалась верить, что мне это сходит с рук. Чем дольше все продолжалось, тем с большим нетерпением я ждала отъезда. Я уже не была собой. Совсем запуталась, не знала, кем была, но сказала Стивену, что мы должны все уладить до того, как совершившим непоправимое, и нужно уезжать в Новый год.

— И он согласился?

— Стивен сказал, что, пока мы вместе, для него нет ничего невозможного. И мы были счастливы.

— И никто больше не знал о ваших планах?

— У меня есть подруга в Лондоне. Она... это трудно объяснить, отец Чемберс. Она позволила мне делать вид, будто я живу у нее...

— А на самом деле?

— Жила в отеле со Стивеном? Да. Вы, должно быть, считаете меня распутной.

Сидни был поражен ее откровенностью.

— Не мне вас судить, миссис Мортон.

— Памела. Пожалуйста, зовите меня Памелой.

Для такой фамильярности было слишком рано. Сидни решил больше не предлагать своей гостье виски.

— Значит, вы понимаете, почему я пришла, отец Чемберс?

Однако Сидни терялся в догадках, с какой стати эта женщина рассказывает ему все это? Ему стало любопытно, венчалась ли она в церкви, вспоминала ли когда-нибудь о брачных обетах и насколько хорошо ладила с детьми.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он.

— Я не могу пойти в полицию и рассказать все там.

— Конечно, нет.

— Сомневаюсь, что они будут держать это в секрете. Мой муж непременно узнает, а я не хочу скандала.

— Но ведь это частное дело? Полиции оно не касается.

— Должно коснуться, отец Чемберс.

— Но почему?

— Не догадываетесь? Я не могу поверить, что Стивен покончил с собой. Это совершенно не в его характере. Мы собирались бежать вместе.

— И что вы предполагаете?

Памела Мортон выпрямилась в кресле.

— Убийство, отец Чемберс. Я имею в виду убийство.

И принялась искать в сумочке носовой платок.

— Но у кого могло возникнуть желание его убить?

— Не знаю.

Сидни растерялся. Человек вполне мог прийти к нему и исповедаться в грехах, но обвинение в убийстве — совершенно другое дело.